

Анна Фрост

Маниакальная депрессия

Анна Фрост

Маниакальная депрессия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805188

ISBN 9785447460280

Аннотация

Некоего Джеймса Блэкхэрта, страдающего маниакальной депрессией, могли посадить на электрический стул, но насильно лечат в психбольнице. Им занимается психиатр Стен Сноу, который изучает синдром маниакальной депрессии. Стен просит Джеймса рассказать его историю. Джеймс, долгое время не желавший этого делать, вдруг соглашается. Он рассказывает всё, что нужно было услышать психиатру, и даже больше... Всё начинается с любви к некой Мэри Колд, с которой Джеймс знаком уже давно...

Маниакальная депрессия

Анна Фрост

Lovemakesuscrazy...

*Это, конечно,
выдуманная история,
но она когда-то была
и когда-то может повториться...*

© Анна Фрост, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За окном всеми красками осени играл ветер, и шёл дождь.

Тяжёлое небо давило, ноябрьский холод поглощал. Белые стены казались покрытыми льдом, пустота вокруг скручивала душу. Страшно болели руки. Эта боль была единственным, что помогало не сойти с ума окончательно. Помешательство пожирало изнутри, но что-то мешало ему, изо всех сил стараясь сохранить остатки моего рассудка. Чувствовалось, как успокоительное растекается по венам, и поражённое сознание затуманивается. Я был близок ко сну, но заснуть не мог. Всё, что кружилось и спутывалось в моей голове, казалось, отражалось на низком потолке. От этого так хотелось избавиться... но я не мог. И не только я.

Не так давно, в силу обстоятельств, психбольница неболь-

шого города, в котором я живу, стала мне домом. Тут меня пытались вылечить от того, что не лечится, – от разбитого сердца. И возможно я оказался слаб, потому что не смог пережить и оставить это. Глуп, потому что не смог забыть и страдал. Возможно, я так и не исправлю всё это, хотя... кто знает... Я знаю одно: после любви только ненависть заставляет жить.

Снова погрузившись в свои мысли и воспоминания, я не расслышал шаги за дверью. Шли за мной. Несколько минут – и люди в белых халатах схватили, вывели и спустили меня вниз. Знакомая дорога. Совсем немного – и я окажусь в полутёмном помещении, в котором человек с тихим голосом будет вскрывать мои шрамы, моё сердце и мою душу. Плохое освещение, холодное металлическое сидение и большой поцарапанный стол на расстоянии, за которым в полутьме сидит психиатр.

Сидя ко мне спиной он любовался каплями дождя на оконном стекле. На какое-то время кабинет окутала тишина. Был слышен только шёпот ветра. Наконец тихий голос зазвучал:

– Здравствуйте.

Я ответил:

– Приветствую.

– Как ваше самочувствие, есть какие-то изменения?

– Можете не спрашивать это каждый раз. Ответ был, есть

и будет тот же.

– Почему же?.. Всё меняется. Время лечит, а мы помогаем ему в этом...

– Я бы не сказал. Иногда и время, и ваша помощь травят.

– Не нужно сопротивляться. И станет лучше.

– Только не в моём случае.

– Не сопротивляйтесь. Это пойдёт Вам на благо. Если Вы выскажитесь наконец, тем самым дав мне возможность обратиться в Вас и устранить то, что мешает Вам нормально жить.

Я замолчал, не посчитав нужным повторить свой следующий ответ.

Это была наша третья встреча, которая, как я почувствовал, закончится совсем иначе. Дождь за окнами усилился. Потемнело.

Напряжение нарастало. Я ощущал на себе его взгляд, чувствовал, что этот человек знает, как открыть меня, будто сдерживаясь, выжидая... Спокойствие пока сохранялось... но вот-вот должно было нарушиться.

Лёгкая улыбка... Вдох... Незамысловатое движение руки...

Он снова заговорил:

– Расскажите мне о тех самых событиях. О лицах, участвовавших в них. Может быть, вспомните, что было с Вами, что подтолкнуло Вас на это. Опишете всё... Поможете се-

бе... хотя бы немного.

Меня слегка затрясло.

– Вы ни разу не задумывались о том, что впустую тратите на меня своё время? Оно ведь не бесконечное. Я устал отвечать Вам одним и тем же. Вы делаете только хуже.

– Я понимаю Вас. Но и не понимаю одновременно. Носить в себе то, что носите в себе Вы, – опасно. И для Вас, и для окружающих. Вы – больной, и Вас не посадили на электрический стул только потому что это было доказано. Вы больной, но не безнадежно. Пока. Поэтому не будьте безразличны к своей дальнейшей судьбе. Подумайте о своих близких... Если Вы не знали, некая Мэри Колд переживает за Вас... ваше здоровье и ваше состояние... А я ни о чём не могу ей поведать... Потому что не слышу от Вас ничего, что могло бы это позволить.

От её имени у меня внутри всё будто перевернулось. В груди кольнуло. Кольнуло так, что с силой отдало в голову. Сжало. Сжало всего меня. И подкосило.

Вновь понеслись эти мысли и воспоминания... Бешеным потоком... Они, будто ржавые иглы, впивались в моё сердце... так, что было тяжело дышать.

Из меня вышел только сдавленный хрип... так похожий на её имя...

Свет в помещении задрожал. Я оторвался от действительности. До меня слабо доносились только смешивающиеся и отдаляющиеся гулкие звуки: быстрые шаги, испуганный

крик психиатра... громкие переговоры врачей, шуршание бумаг...

Всё вокруг меня задвигалось...

Неизвестно, насколько меня отключило. Я потерялся во времени. Во всём. Так сильно тут меня накрыло во второй раз. Моё слабое место будто кровоточило из глубины души. Всё моё тело ныло, когда я пришёл в себя. Медленно открыв глаза, я увидел, что лежу на кушетке со связанными руками и ногами. Осмотрев весь кабинет, я понял, почему: по всему полу валялись разорванные и скомканные листы бумаги, разбитая карандашница, её содержимое и всё, что находилось на столе психиатра. Со стен осыпалась побелка, дверной косяк, дверь, подоконник и окно были заметно повреждены, как и мои пальцы, на которых весьма и весьма начали ощущаться свежие раны. Неплохо я повертелся. Очередной укол правда быстро меня успокоил. И достаточно резко.

Психиатр отвернувшись стоял недалеко от меня и, всё ещё нервничая, о чём-то думал. Скорее всего, о том, как лучше довести наш разговор до конца без больших потерь и – главное – с пользой.

Говорить было трудно, и я издал только какое-то тихое сипение. Психиатр слегка вздрогнул, повернулся ко мне, подошёл и помог сесть. Я не отвлек его от его раздумий. Он выглядел очень серьёзным. Морщины сильнее выступили на его лице.

Глубоко вздохнув, он решительно взглянул на меня и развязал мне руки и ноги. Последнее его действие показалось мне довольно странным. Это сделало меня в какой-то степени свободным и тем самым обозначало некоторое доверие со стороны психиатра. Я быстро понял, что это своеобразная уловка... Вместе с руками и ногами психиатр сделал попытку развязать мне язык. За этим, конечно, автоматически должно было последовать открытие доступа к тому, о чём я так долго молчу... Но у меня самого вдруг возникло желание рассказать всё это. И оно возникло не из-за последних действий психиатра. Мне захотелось поделиться частью себя с воздухом, напитать его этим ядом, просто освободить душу словами, частично... за невозможностью освободить её чем-то полностью. Слова ведь не могут всего... но хотя бы как-то в силе не позволить моим воспоминаниям меня убить.

Вот как-то так неожиданно на меня повлиял этот срыв. Как осенило. Единственное: я не хотел, чтобы кто-то проникся тем, что творится у меня внутри. Это было каким-то двуликим страхом, который постоянно теснился в моей и без того забитой голове. Потребность скрывать своего демона – более необходимость, а демоны у всех разные.

Я решил, и я знал, что делать дальше. Вслед за этим всплыло другое... Такое лёгкое в оболочке мыслей... нуждающееся в исполнении...

Спустя несколько минут я так же решительно взглянул на психиатра и сипло, уверенно шепнул:

– Слушайте.

Как известно, всё то, что случается с нами в детстве, оставляет в нас глубокий след. Как семя – сначала попадает в почву, потом пускает в неё корни, растёт, даёт побеги и, наконец, плоды. То, что получится, в большем зависит от погодных условий. Так было и у меня.

Всё началось, когда мне было ещё восемнадцать. Не так давно. Тогда я впервые понял, что по-настоящему люблю... только не сумел правильно это выразить. Мы знали друг друга, можно сказать, с первого класса. Сначала она мне просто нравилась. Я любил наблюдать за ней... за всем, что она делала.

После нашего близкого знакомства между нами скользнуло нечто, что каким-то образом, как я сразу понял, связало нас, наше будущее... Пока это, конечно, была только симпатия. Дружеская симпатия.

Мы быстро нашли общий язык... Часто вместе ходили на учёбу... После учёбы – уходили домой... Постоянно о чём-то разговаривали... и нам всегда было очень интересно вдвоём. Мы не следили за временем. Только ждали следующего утра или дня, чтобы снова встретиться... хотя бы взглядом.

Особенно запомнилась та осень, наша осень, которая сегодня усиливает мою болезнь и тоску, когда мы гуляли по разноцветным листьям, собирали их, купались в них, обнимались, лёжа на холодной сырой земле, и были счастливы.

Тогда я начал понимать, что чувствую к ней что-то большее, что вижу её уже не как друга. Черты её лица запали в мою душу, так глубоко, что она снилась мне каждую ночь. Просто она. Её густые, мягкие, всегда чуть взъерошенные рыжие волосы, нежный овал лица, бледная кожа, чувственные губки, точёный носик, красивые глаза... самые красивые из всех, что я видел... цвета свежей зелени... ресницы, брови, стройное тело, тонкие ручки, пальчики, ноготки... Иногда кажется, что я ощущаю её и сейчас, как тогда, только это ощущение похоже на наваждение... Наверно и потому всё так, что я давно её не видел... не касался... Она до сих пор мне снится порой, часто... Уверен, она не изменилась. Она никогда не изменится. Она всегда со мной... Моя.

Я дышал её красотой... ей... Я воспевал её... в своём сердце... в своей душе... Обожал её до безумия... Она была единственной, кому я мог доверить что-то и довериться сам, показать свою грусть... Она была единственной, кого я любил. С семьёй я не был особенно близок. Всегда был для них как чужой, никому особо не нужный... как тень. Моим миром, моими трудностями и проблемами никто особенно не интересовался. Изредка мне удавалось обмолвиться словом с матерью или с отцом. Буквально на несколько минут... и ни о чём. Как и они оба – друг с другом. На учёбе меня вовсе никто не понимал. Все считали странным. Оказалось, были правы... Но не суть. Ей одной я был готов открывать свои двери. И это нехорошо сказалось на мне...

Она была крайне добра ко всякой живности. Однажды случилось так, что её сильно укусила собака, мимо которой мы проходили по улице. Когда я увидел у Мэри кровь – меня сначала охватил испуг, а после – злость, как только я заметил её слёзы. Я словно потерял рассудок и рванул за животным, которое по виду и размерам было вполне способно меня загрызть. Собака, увидев меня, бешено зарычала, бросилась мне навстречу и получила мощный удар по голове, после которого отлетела в сторону. Я начал со всей яростью, изо всех сил бить её ногами, не разбирая, куда и сколько. Были слышны только сильные глухие удары и дикий собачий визг. Вначале я не видел ничего, потом – яркие красные пятна, тёмные и размытые, а потом услышал треск костей, и у меня возникло дикое желание сделать из этой туши месииво. Я вошёл во вкус и пачкал свои джинсы, выплёскивая из себя разбуженную жестокость... пока моя подруга стояла поотдаль, как вкопанная, и не знала, что сделать, чтобы я остановился.

Когда туша перестала визжать, я отшатнулся, чуть не упал и резко развернулся в сторону Мэри. Посмотрев ей в глаза, я увидел там ещё больше слёз, страшный шок, боль, словно она во время моих действий была внутри той собаки, и разочарование, смешанное с ненавистью, во мне и ко мне... Никогда этого не забуду... эту горечь... Она явно не ожидала от меня такого, как и, в общем-то, я сам – от себя. От неё повеяло страхом. Она боялась подойти ко мне. Я ощутил это

и двинулся к ней сам, не до конца отдышавшийся и отошедший от содеянного. Подойдя к ней, я получил резкую жгучую пощёчину, отрезвившую меня, но не успел схватить Мэри за руку – зарыдав, она убежала.

Я хотел было догнать её, но что-то меня остановило. Спустя некоторое время всей своей тяжестью наступило чувство вины, и, идя куда-то в сторону своего дома, я захотел прибежать к Мэри домой, ворваться к ней в комнату, упасть перед ней на колени и долго и горячо извиняться, обнимая её, и целуя по-настоящему. Это желание было настолько сильным, что я не смог сдержать его даже в силу своей нерешительности. И я метнулся к ней домой. По дороге мне попался какой-то жалобно скулящий щенок. В моей голове мелькнула безосновательная мысль взять его и отнести Мэри. Я так и сделал. Дверь её дома оказалась открытой, и я не замечая вокруг себя ничего влетел внутрь и взбежал наверх в её комнату, резко остановившись у её кровати.

Она лежала отвернувшись к стене, закрыв лицо руками, тихо всхлипывая, успокаиваясь... Лучи заходящего солнца падали на её волосы, на неё всю... Рана от укуса собаки ещё кровоточила, но уже не так сильно... Мэри выглядела такой несчастной и беззащитной, как ребёнок... И такой красивой.

Я медленно, почти беззвучно сел возле неё. Мне было жаль её, и я ненавидел себя за то, что натворил. Моя душа болела, наверно, вместе с сердцем Мэри... Я совсем расте-

рвался и не знал, что сказать, с чего начать. Так случилось впервые...

Вдруг щенок в моих руках заскулил. Мэри замолчала и повернула голову в мою сторону. Взглянув в её глаза, я словно ожил... Мои руки сами опустили щенка на её кровать. Она застыла от неожиданности, но спустя секунду улыбнулась и начала ласково гладить мой подарок. Я не выдержал. Схватив её за плечи и потянув к себе, я слился с ней в долгом страстном поцелуе... Становилось всё теплее и теплее, легче и легче... Я будто таял, поднявшись к горячему вечернему небу. От её объятий по моему телу пробежала дрожь... Я всем своим существом хотел, чтобы это длилось вечно. Но Мэри вдруг отодвинулась от меня. Собравшись, я выпалил: «Прости!..» Она снова улыбнулась, точно так же, и, почесав щенка за ушком, радостно кивнула мне.

То, что творилось внутри меня на тот момент, не описать словами... Я тоже был счастлив... безмерно. Сердце стучало, как молоток. Чувства бешеными волнами накатывали на меня... Хотелось обнимать Мэри снова и снова... Делать для неё всё... чтобы она всегда была такой радостной...

Я оторвал от своей рубашки большой кусок ткани. Мэри поняла, что я хочу сделать. Она быстро нашла зелёнку и, обработав свою рану, позволила мне её перевязать. Нервничая, я наказал ей ходить к врачу. Она, снова улыбнувшись, погладила меня по голове и успокоила, сказав, что займётся этим завтра же.

Пододвинувшись к ней, я шепнул: «Не хочу уходить... Люблю тебя...» Она вздрогнула от последних двух слов, немного покраснела и, выждав минуту, ответила: «Оставайся. Мне кажется, это взаимно...»

Та ночь запомнилась мне навсегда... Только она и я, лунный свет и неземное чувство, которое я смог наконец полностью ей показать... Это одно из самых лучших моих воспоминаний.

Мы встретили утро в объятиях друг друга. Я дышал мягким запахом её волос. Всё это будило во мне столько нежности, сколько во мне никогда не было... Я чувствовал лёгкость, от которой давно отвык...

Мы встали рано, хотя так никуда и не пошли. Выпив по чашке чая, мы долгое время, почти не разговаривая, с упоением рассматривали друг друга. Я не хотел уходить... сильнее, чем вчера. Я знал, что дома за меня никто особо не беспокоится... Но нужно было на какое-то время оставить Мэри. Просто уйти, а потом вернуться... Всё всё-таки получилось совершенно внезапно, я должен был дать ей всё это обдумать. Сам я хотел с головой окунуться в воспоминания и помечтать. Я любил составлять из отрывков памяти целые кинокартины в своей голове, к тому же это порой успокаивало меня. Память – это то, без чего не бывает тепла в сердце, не бывает будущего. Правда только если она добрая, несущая в себе хорошие отголоски былого.

Мэри покормила щенка, который уже всюду бегал по её

дому, и игрался с всякими вещичками, что попадались в его лапки. Это выглядело смешно и мило. А главное – это радовало её. После мы горячо поцеловавшись попрощались, она закрыла за мной дверь, и я, постояв немного у порога, пошёл к себе домой, улыбаясь и прокручивая в мыслях нашу первую ночь. Это не покидало меня всю дорогу, и когда я даже не раздевшись лёг на свою кровать, и во сне... Она снилась мне... Без неё было холодно...

На следующий день мы встретились на учёбе и, не выставляя свои чувства на всеобщее обозрение, просто дружески общались, как раньше. Я ощущал, что что-то такое всё равно было заметно, не сильно, но всё же... Мы не скрывались – просто не хотели заострять на себе чужое внимание. Это было ни к чему. Мэри и я не любили косых взглядов и перешёптываний за спиной. И часто понимали друг друга без слов, что мне особенно нравилось. Таким образом, мы избежали лишних реакций со стороны окружающих.

Всё вокруг виделось мне теперь в более светлых тонах. Я был просто влюблённым парнем... Воистину любовь делает с человеком чудеса. Разные чудеса...

Не было никого и ничего, что могло бы отвлечь меня настолько, чтобы я оторвался от Мэри, от общения с ней... Я то молчал, то долго ей что-то говорил... Боялся надоесть... Но она была рада моему обществу, и меня это очень вдохновляло. Я окончательно понял, что она не против серьёз-

ных отношений со мной.

После учёбы мы пошли в старый заброшенный парк. Я качал её на качелях. Мы до самого вечера гуляли, держась за руки, и беседовали, обо всём понемногу, но больше – о настоящем.

Ближе к семи часам Мэри резко вспомнила о том, что ей нужно выгуливать щенка и заспешила домой. Конечно же мы не договорили... На это не хватило бы и целого дня. Но, всему своё время, как я подумал... Да и отдохнуть от тяжёлого трудового дня было необходимо. Оставался последний учебный год в стенах школы... После, каждого из нас ожидала своя последующая судьба... Близилась экзамены, к чему неплохо было бы начать готовиться...

Я проводил Мэри домой, мы поцеловались и, заранее пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись. Я редко звонил ей перед сном... Она не обижалась... Я запоминал каждый наш поцелуй, всё, во всех мелочах, и засыпал, думая только об этом и о ней.

За то время, что мы были вместе, ни она, ни я почти не спрашивали друг друга о наших странностях. Не потому что нам это было неинтересно. Иногда казалось, что мы буквально видим мысли друг друга... Мы словно были связаны невидимой нитью, как родные... Наши чувства были очень сильными. Казалось, они были совершенными...

Шли дни, за ними – недели... Я и Мэри вели себя среди

других людей всё так же и иначе вдвоём. Я обожал, когда она говорила... У неё был тихий и, как её волосы, мягкий голос, в который невозможно было не вслушиваться... Он успокаивал и будто несколько усыплял... Слушая его, я терял ход времени... В её речи особенно грело слух моё имя – Джеймс. Исходившее, казалось, из её сердца, оно становилось благозвучным и словно сладким...

Я слишком идеализировал её...

Существует мысль, что любовь часто обращается болезнью. Далее следует ревность, порой медленно растущая и перерастающая в дикую ревность, и, наконец, если болезнь оказывается неизлечимой, всё заканчивается болью... Какой болью – зависит от любви, чем кончается боль – от человека и его воли...

Щенок Мэри подрос и стал небольшим, но красивым псом, более нуждающимся во внимании. Мэри очень любила его, часто играла с ним и выводила его гулять, встречаясь со мной и одна. Казалось бы в этом не было ничего противоземного, но, потихонечку, это начало меня обжигать... Мне стало казаться, что Мэри больше времени уделяет этому псу, чем мне. Я, как ребёнок, ревновал её к тому, что было совершенно нормальным, с точки зрения нормального человека. Моя ревность, казалось, росла вместе с псом Мэри, и вскоре я не находил себе места от этого... Не знаю, что творилось со мной, с моей головой... Эгоизм?.. Не настоль-

ко же... Я подозревал, что всё это идёт изнутри меня... и явно от моих чувств... Но к чему – мне пока не было ясно...

Я ревновал всё больше и больше, раздражался, когда видел Мэри с псом... Просто возненавидел последнего, существо, которое сам подарил ей...

Это было похоже на одержимость... Я пытался справиться с этим наваждением... Часто думал, что я, должно быть, несколько слабовольный... Ругал себя за это... Но мне так и не удалось...

Мои старания окончательно сошли на нет, когда я, зайдя как-то к Мэри на чашечку чая, застал её за купанием пса. Увидев её любовь к этому животному опять, я начал закипать, но скрыл это. Она проводила меня на кухню и, заварив чай, убежала в ванную. Уходя от очень плохих мыслей, я с таким же успехом возвращался к ним, но всё же сдерживался, хотя и с большим трудом.

Вдруг, как будто так было уготовано судьбой, Мэри крикнула мне из ванной, что забыла шампунь, и попросила поддержать наполовину мокрого вырывающегося пса, пока она не вернётся. Я молча встал и пошёл «помогать»...

Оставив меня с псом наедине, Мэри побежала в свою комнату. Постояв с минуту возле ванны, крепко держа отчаянно пытающегося выбраться оттуда пса за загривок, я словно забылся... Всё, что я делал, мне почти не запомнилось... только какие-то обрывки... Кажется, я вдруг с силой прижал пса к стенке ванны, и когда тот меня укусил, резко швыр-

нул его вправо, к другой стенке. Правда, пёс бросил попытки сопротивления только после за раз оглушившего его удара по голове. Схватив первое, что бросилось в глаза, – какую-то, лежавшую на стиральной машинке, тяжёлую металлическую вещь, оказавшуюся новым феном Мэри, я, даже не успев ничего сообразить, как-то включил его и запустил в воду... Всё случилось в одну секунду. От достаточно сильного напряжения пса какие-то секунды неестественно трясло и переворачивало... Дикий крик мучительно умирающего животного, срываясь, то усиливался, то ослабевал... По воде вспышками бегала наэлектризованная рябь... Я смотрел на всё это как на фантастическую картину, которую нарисовал сам... Вдохнув запах гари, горелого мяса, я улыбнулся и закрыл ванну шторками.

Повернувшись к зеркалу, я взглянул в свои глаза, и всё словно растворилось и улетучилось...

В ванную вошла Мэри. Вошла и остановилась... Шампунь выпал из её обмякших рук, на лице застыла улыбка, глаза наполнились ужасом и остекленели... Стало страшно... страшно тихо... Только капли воды из крана нарушали тишину.

Я двинулся было к Мэри, на ходу пытаюсь объяснить ей всё. «Эта штука случайно упала... случайно включилась... сама... я не хотел...» Эти оправдания были невнятные, а также глупы... Мэри не стала меня слушать. Сжав кулачки и рыдая, она била меня, слабо, но безжалостно... От неё исходил жар... Мне казалось, что я видел его... Я

пытался остановить её... обнять... но она не успокаивалась и вырывалась... «Зверь! Ты не человек! Не хочу тебя видеть! Не хочу тебя знать! Уходи! Уходи от меня! НАВСЕГДА!..» – с этими словами она с силой оттолкнула меня от себя ударив ногой в живот... Я замолчал и закрыл глаза... Внутри всё горело... То последнее, что она сказала мне, оборвало нить жизни нашей взаимной любви... «Я ненавижу тебя...» – после чего, спотыкаясь и падая, Мэри в слезах убежала... наверх... к себе.

Меня охватил страх. Моя душа как будто застыла. Моё тело ослабло, и я упал. По щеке пробежала слеза. Горячая и колючая. И сорвалась. Опустив голову, я увидел эту слезу... Она показалась мне осколком стекла. Я не плакал очень давно...

В те минуты мне казалось, что я умираю. Боль будто разъедала сердце и растекалась по венам. Я тяжело задышал. «Ты... моя... Ты всегда будешь моей, Мэри...» – крутилось в голове. Выпучив глаза, я бешено бегал глазами из стороны в сторону. Собрав остатки сил, поднявшись, опёршись о стену, я крикнул: «МЫ ВСЁ РАВНО БУДЕМ ВМЕСТЕ... ВЕЧНО!..» – и медленно вышел на улицу.

«Хлоп»

Под окном Мэри лежал её разбитый телефон.

Вернувшись к себе домой и зайдя в свою комнату, я упал на пол и, замерзая, так и остался лежать не вставая. То состо-

ание, в котором я находился, невозможно объяснить. Могу сказать только, что было очень больно... Я рыдал и рвал рубашку на груди. Отрывки воспоминаний сменяли друг друга, смешиваясь с её образом... любовью... и ненавистью...

Я подполз к столу, достал из ящика все наши фотографии, посмотрел на них... Словно всё это было вчера...

Почему-то особенно привлекла моё внимание одна, самая свежая фотография... Белый цветок в руках Мэри... Ромашка... Я где-то сорвал её на одном из наших свиданий, подарил ей и сделал памятную фотографию. Вышло очень красиво.

Этот цветок застрял в моих мыслях... Правда, я рассматривал его как будто не своими глазами... К тому же на меня нашло какое-то странное вдохновение...

В ту же секунду я отбросил фотографии, которые разлетелись по всей комнате, и нырнув в ящик снова, достал оттуда свой старый ножик, которым вырезал на одном дереве сердце с нашими именами. В памяти скользнуло то место... и я подумал о том, как хорошо и одновременно плохо иметь подобное воспоминание в подобном случае. Внутри меня заиграло странное чувство...

Касаясь пальцами лезвия, я сжал руку в кулак и порезал ладонь. Кровь ручьём заструилась по грязным джинсам, поблёскивая в полутьме... Такая горячая, медленно остывающая... Засмотревшись на неё, я расслабился и ненадолго успокоился... Стало легче. На какое-то время.

Вытерев слёзы окровавленной рукой я испачкал лицо. От запаха крови закружилась голова... Мне понравилось это. Я подобрал с пола фотографию с цветком, встал и сунул её в рамку с другой фотографией Мэри на стене над своим столом. Задержав взгляд на последней и почувствовав уже знакомую горечь, я вышел из себя и, глухо дыша, изо всей силы воткнул ножик в фотографию, в самое сердце Мэри, расколов стекло... Дёрнув рукоятку, я остановился и всмотрелся в трещину от удара... «Так и будет, если она найдёт другую любовь... Этого невозможно будет допустить». С этими мыслями я дотронулся до стены окровавленной ладонью и, оставив на ней длинную ярко-красную полосу, опустился на колени, повторив шёпотом: «Так и будет...»

Ночь дарила мне обрывочные сны, мои повреждённые чувства то обострялись, то испарялись талой водой. Покой покинул меня... Мне оставалось только тихо ждать чего-то...

Несколько дней я не появлялся на учёбе. Рвя на части постельное бельё, сорванные шторы, исписанные тетради, сдирая обои и то включая, то выключая музыку, я пытался хотя бы немного отойти от смеси первоначального чувства, переросшего во что-то непонятное, в какую-то жажду... Я зашуманивал мысли табаком, делал надрезы на коже и царапал стены ножом... Я не мог разобраться в себе, не мог выяснить... Не мог, даже боялся, осознать, что любовь, неся рев-

ность и иногда оборачиваясь ей, может быть такой чёрной и нести столько зла... «Что делает меня таким?.. Она?..» – «Она...»

Ко мне никто не заходил, мне никто не звонил... Мне нужна была только она... Думая об одном, я одновременно думал о другом... Когда сходишь с ума, открывается некая суть того, что больше всего беспокоит душу, цвета меняются, и начинаешь видеть всё иначе, чаще – как есть, потому что взгляд более открыт... а потом – искра, и, не в силах всё исправить, понимая или не понимая, отступаешь и идёшь уже другой дорогой, с которой уже не свернуть окончательно... Мы чаще всего одиночки, хотя нас много... Что движет нами?.. Как это открыть и понять?.. Видно, в этих вопросах и заключается интерес... И он есть, пока нет ответов...

Страшно, когда понимаешь многое, но не понимаешь себя...

Посторонние раздумья растворились. Вернуть её, вернуть всё, что между нами было, – вот что горело и не отступало теперь. «Значит, так нужно и бесполезно от этого бежать... Не важно, как я буду справляться, что я буду делать... Это не уйдёт, пока я не добыю своего.»

Глубоко вздохнув, я закрыл глаза и опустил голову. В висках стрельнуло болью. Чувства затвердели, леденели, но жили. Так и бывает. Всегда необходимо дать им ненадолго затихнуть на пути к цели. Только цель всегда остаётся неиз-

менной. И отбросить её невозможно.

Странное неповторимое состояние... к которому я медленно привыкал...

Наступило завтра. Наконец, но не полностью, собравшись, я ушёл на учёбу. На уроках я почти никого и ничего не слышал, находясь глубоко внутри себя и постоянно думая. Я следил за Мэри. Она избегала меня, в открытую. Не захотела даже поздороваться со мной. Я оставил все попытки заговорить с ней. Она не могла скрыться от меня. Я видел каждый её шаг.

Получив кучу выговоров за своё отвлечённое состояние, я всю большую перемену отсидел в углу столовой за чашкой кофе. Недалеко от меня, у окна, сидя ко мне спиной, обедала Мэри, одна. Я пристально смотрел на неё, всё думая о своём, и не успел заметить, как к ней подошёл Макс, «спортсмен номер один» в школе и самовлюблённый задира по жизни. Пошло улыбаясь он начал заигрывать с ней, но, к его счастью, она была не в духе и послала его. Иначе я бы не сдержался, и уж драки точно было бы не избежать...

День закончился. За всё это время я не обмолвился с Мэри ни словом. Это было очень тяжело. Однако было и кое-что полезное для меня... Интерес Макса к ней занял мой мозг. Я уже знал, кто будет первым в случае чего.

Целую неделю я и Мэри не могли сказать друг другу хо-

тя бы слово. Она думала, что порвала со мной... Но я не разделял её мнения.

Макс всё-таки добился её расположения. Я как знал, что так и будет. Наступил тот самый, первый, случай...

Я стал следить и за ним. Записался в качалку, куда он ходил.

На учёбе и после я часто ловил взглядом его и её, их вместе. Их отношения были настолько иными... Я заметил, что сама Мэри изменилась. Стала такой, как многие. Любовь перестала быть для неё чем-то особым, духовным. Я понял, что в этом виноват не столько я, сколько Макс с его тачкой, деньгами и походами по разным развлекательным местам. Эти обстоятельства заставляли Мэри соответствовать ему... И всё это подливало масла в огонь.

Я должен был знать о Максе как можно больше, чтобы тихо, незаметно его убрать. Я наблюдал за ним, как за подопытным животным, только издали. Шаг за шагом, ближе и ближе к исходу... Я увлёкся... Как хищник из засады, подкрадывающийся, готовящийся поймать свою жертву...

Ключевое, что я узнал, как потом оказалось, – Макс принимал какие-то колёса... витамины или что-то в этом роде... Это зацепило моё внимание.

Как-то раз он, стоя с Мэри возле её дома, заметил мой пристальный взгляд. Я шёл мимо и засмотрелся в их сторону. Макс крикнул мне что-то вроде «эй, чего вылупился?», на что я, не остановившись, молча его послал. Мой

жест очень задел его. Он, сорвавшись с места, полностью проигнорировав то, что Мэри попыталась его удержать, подбежал ко мне, ударил меня и тут же, как пружина, отскочил, чтобы не получить ответный удар. Резко проехав кулаком по воздуху в том месте, где секунду назад стоял Макс, я в бешенстве плюнул в его сторону и рванул домой. Дальнейшие мысли и действия были как во сне...

Перевернув дома всё, что было можно, я решил чем быстрее, тем лучше уничтожить Макса. Мой мозг сам разложил всё по полочкам. Нужно было только очень постараться сделать всё правильно...

Макс умел и любил водить, чем цеплял понравившихся ему девушек. Моя идея не заставила себя долго ждать и сложилась настолько хорошо, что просто не могла не воплотиться в жизнь. Благодаря моей фантазии и вере в успех я подготовился к её воплощению за очень короткое время.

В тот самый день время шло очень быстро, и я был каким-то возбуждённым и радостным, как перед первым свиданием в весенний вечер. Что-то подсказывало мне, что всё получится, и никто не узнает об этом. Даже Мэри. На учёбе я не появился. Позвонил одному из одноклассников и сослался на плохое самочувствие. Я знал, что это не сыграет особой роли, но добавить воды в краску для начала всё равно было нужно. Сонный Джек пообещал передать учителям, что я опять приболел и приду завтра, после чего я выключил телефон, бросил его куда-то под кровать и стал дожидаться

полудня. Макс должен был освободиться где-то после двенадцати, Мэри – немного позже, по расписанию.

Лёжа на кровати, я разглядывал смазанную фотографию машины Макса, кое-как приколотую к стене. Я долго не мог вспомнить, когда и как мне удалось её заснять... Вообще, не суть... Когда надо – удаётся.

За какое-то время я хорошо изучил эту красавицу... И она долго занимала часть моих мыслей... До той минуты...

Которая наконец наступила. Я понял, что пора. Я не следил за стрелками часов. Что-то внутри меня шептало мне... Этот шёпот переполнял мою душу и мой мозг. Может, то шептали недра моего сердца, выдыхая и вдыхая одну и ту же боль, которая прицепилась к нему, как мокрота. Спohватившись, я залетел в ванную, распахнул шкафчик с домашней аптечкой, достал оттуда блистер сильного снотворного, резиновые перчатки, сунул всё это в карман и, выбежав из дома, со всех ног помчался к дому Мэри. Чутьё не подвело меня. Та самая машина стояла на газоне. Как обычно Макс заехал к Мэри, чтобы сперва увезти её к себе, а вечером – на очередную вечеринку.

Дверь её дома была открытой. Я тихо вошёл и почти неслышно устремился на кухню. Домашних животных Мэри после того случая так и не заводила... На кухонном столе стояли два стакана сока и сумка Макса. Сам Макс и Мэри, судя по всему надолго, ушли наверх. Надев перчатки, я открыл его сумку и среди разного мелкого мусора, бумаж-

ника, ключей и записной книжки, быстро нашёл маленькую баночку с его колёсами и выдавил туда половину блистера. Содержимое блистера и содержимое баночки были внешне похожи и чем-то, о чём я уже знал, были схожи по составу. Закинув баночку обратно и закрыв сумку, я поспешил к выходу и у выхода, одной ногой на улице, услышал быстрые шаги вниз по лестнице. Занервничав, я поспешно скрылся в высоких кустах топинамбура с боковой стороны.

Спустя минут десять во двор вышел Макс, и я услышал его разговор с Мэри. Макс сказал, что почему-то очень хочет спать, поэтому он заберёт Мэри, скорее всего, после шести, и тогда они сразу же поедут на День рождения Дэна. Мэри поинтересовалась состоянием его здоровья и, получив немного резкий, чёткий ответ, что всё в норме, поцеловала его на прощание. Макс быстро обнял её, подошёл к автомобилю, сел в него, завёлся и уехал. Шёл он как-то неуверенно, его ноги ступали по земле не так твёрдо, как обычно. Всё это могло означать, что совсем скоро он покинет Мэри навсегда...

Я почувал запах крови... Во рту пересохло... Руки тряслись так, что я с трудом достал помятую сигарету и закурил. Голова закружилась... И на несколько минут меня как будто что-то расслабило...

Докурив, я обошёл дом Мэри сзади и направился в сторону ближайшего перекрёстка. К дому Макса вела одна дорога, поэтому я никак не мог ошибиться. Я старался идти так,

чтобы никто случайно не заметил моей злой улыбки и моей странной радости, бесконечной, но такой кратковременной. Она вот-вот должна была обернуться чем-то большим... Из-за этого внутри меня всё шумело, но я шёл ровно и спокойно. Внезапно подул ветер, и солнце затянули облака...

Всё вышло так, как я и планировал. На перекрёстке дымилась несколько легковушек, одна из них, помятая намного сильнее, чем остальные, начинала гореть. На асфальте валялись поломанные и выгнутые запчасти, осколки стекла и чего-то ещё. Чернели резкие следы от шин и капли моторного масла. Всё это плыло в моих глазах, но взгляд остановился на уже объётой огнём машине – машине Макса. Окна внутри были покрыты кровавыми пятнами, большими и густыми... Видно, скорость была довольно высокой, и уснувший Макс, резко ударившись о край руля при столкновении, сломал шею, а при отскоке разбил голову. Всё случилось за несколько секунд. И он навсегда уснул на сидении своего любимого автомобиля с откинутой головой. Ему в грудь упиралась поздно сработавшая подушка безопасности.

Работники полиции и чуть позже скорой бегали туда-сюда, как муравьи. Пострадали все, кто попал в аварию, их выводили, кого-то выносили и даже доставали из их машин и увозили в больницу. Макс был единственным безнадежным, кого уже никак не удалось бы спасти. Его тело на время общих разбирательств оставили на асфальте, накрыв чёрным полиэтиленом.

Я просто стоял поотдаль как случайный очевидец. Внутри же меня словно, резко взорвавшись, ярко горел огненный шар, обжигая извивающимися языками пламени. Казалось, что всё вокруг заполнено густеющим туманом и застывает... Из-за этого я не мог сосредоточиться на том, что творилось в моей голове на тот момент и, развернувшись, пошёл куда-то, стараясь собраться с мыслями. Я старался идти ровно и спокойно.

Тучи затянули небо, и начался мелкий дождь. Дойдя до реки, подойдя к воде и сев на берегу, я почувствовал, что нахожусь в состоянии совершенного покоя и какого-то особенного, нечеловеческого блаженства. Мне было легко, как-то странно легко... Капли дождя падали на меня, лаская, и на миг мне показалось, что я забудусь и растворюсь там... Я набирал в ладонь песок и возвращал его земле... Я вдыхал его запах и думал о том, что жизнь похожа на него, не только тем, что быстротечна, но и тем, что уходит туда, откуда, в каких-то случаях, появляется вновь... хрупкая, как фарфор, который может разбить каждый...

Я долго находился там и одновременно где-то очень далеко оттуда, пока внезапно не вспомнил о Мэри и о случившемся. Вдруг что-то начало давить на меня, сдавливать душу, медленно и с каждой секундой всё сильнее. Я взглянул на небо... Мне показалось, что оно медленно спускается вниз...

Задыхаясь, я согнулся вчетверо, упал на песок и схва-

тился за голову. В ней словно ковырялись ожившие, длинные, тонкие иглы. Я вскочил на колени, потом – на ноги и, шатаясь, быстрым шагом пошёл домой. Хотелось бежать, но не получалось. Я не видел земли под ногами, не разбирал дороги. В мозгу крутилось её имя и думалось только о том, как её вернуть. Совсем недавно я полагал, что всё сойдётся само собой. Но сейчас я чувствовал другое. Я не знал, как и с чего начать говорить с ней, чтобы она не догадалась, что смерть Макса произошла по моей вине. Я не знал, что сделать, чтобы Мэри вновь стала моей.

Меня отвлёк какой-то откуда-то вдруг взявшийся шум вокруг. Я различил в нём сигналы автомобилей и понял, что перехожу дорогу. Немного очнувшись, я добежал до пешеходной зоны, потом сошёл на газон и ступил в темноту, подалее от уличных фонарей. Уже совсем стемнело и похолодало. В воздухе пахло сыростью.

Зайдя наконец к себе в комнату, я упал на кровать. Дико хотелось спать, но уснуть не удавалось. Казалось, что нервы раскалены добела, мысли переполняли голову так, что она буквально раскалывалась от боли. Всё это могло закончиться нервным срывом или чем похуже, если бы я не вспомнил об оставшейся половине блистера. Закинувшись таблеткой, я закрыл глаза и спустя несколько минут начал медленно засыпать, всё ещё улавливая отрывки мыслей, утихавших, но всё же не желавших давать мне покоя. Звуки уходили в ночь. По окну тяжело стучали капли дождя.

Проснувшись после восхода солнца, я первым делом закурил. Не помня толком вчерашних событий, того, как пришёл домой и уснул, и пытаюсь опомниться, хотя бы просто продрать глаза, я выглушил два стакана воды, а третий вылил на себя. Докурив, я глянул на часы – у меня ещё было минут сорок для того, чтобы собраться. На первые два урока я не попал, второй как раз шёл и должен был закончиться не скоро. Мелькнула мысль не пойти и на оставшиеся, но... Секундная тишина. Ледяным ветром по извилинам вновь пронеслись её имя и то, что было вчера... Мне повезло – дома никого не было. Выйдя на балкон, я снова закурил и ушёл в себя на всё оставшееся время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.